

**5. INTERNATIONAL PARIS
CONFERENCE ON SOCIAL SCIENCES**

**February 07-08, 2021
Paris - FRANCE**

Proceedings book

**Editor:
Dr. Crisanto E. Avila**

**All rights of this book belong to IKSAD Global Publishing House
Authors are responsible both ethically and juristically
IKSAD Globa Publications - 2021©
Issued: 24.02.2021**

ISBN - 978-605-70216-9-4

**ПАРИЖ КАК ЦЕНТР МИРОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ,
ФИНАНСОВОЙ ЖИЗНИ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ ДЕГРАДАЦИИ В
«ФРАНЦУЗСКИХ ПИСЬМАХ» ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО**

Николай Васькив

доктор филологических наук, профессор,
Киевский университет имени Бориса Гринченко (Киев, Украина)

В статье интерпретируется идеологическое содержание «Французских писем» (1887–1889; другие названия – «Молла Аббас», «Письма моллы Аббаса Франсови» и др.) выдающегося крымскотатарского и общетюркского просветителя, писателя и издателя Исмаила Гаспринского в контексте пребывания писателя в Париже (1871–1874) и сформированной им теории джадидизма. Для этого используются биографический, культурно-исторический, компаративистский и филологический методы.

«Французские письма» написаны с использованием приема остранения – как письма наивного, но образованного узбекского купца моллы Аббаса, отправившегося в Европу. Они стали художественно-публицистической формой для выражения взглядов И. Гаспринского на современное для него состояние тюркского и – шире – исламского мира на фоне бурного политического, экономического и культурного развития европейских стран. Олицетворением Запада, концентрацией его достижений и недостатков в произведении предстает Париж, очень хорошо знакомый для писателя. Исмаил Гаспринский, исходя из основных положений его теории джадидизма, постоянно отмечает высокий уровень развития образования во Франции. Следствием этого становится высокоразвитая культура, начиная от повседневной межличностной коммуникации и заканчивая архитектурой, мощная экономика, финансовое могущество (биржа со многомиллионными оборотами, роскошь и разнообразие ювелирного дела), социальная защита (доступность образования всем слоям населения, детские сады, отсутствие нищих), четкость работы правоохранительной системы, правовая защищенность всех граждан, равноправие женщины в обществе и т. д. Многие из этого Париж, Европа заимствовали у мусульман Востока и Испании, теперь настал черед все это внедрить тюркам в собственную общественную жизнь.

Но писатель обращает внимание и на недостатки парижского (западного) способа жизни: индивидуализм, стяжательство, имущественная пропасть между богатыми и бедными, равнодушие к проблемам ближнего, развращающее влияние богатства, продажность женщин и т. п. Избежать этих пороков при заимствовании достижений Запада, считает писатель, поможет высокий духовный потенциал ислама с его идеями взаимопомощи, единения уммы, закята, высокой оценки науки и образованности.

«Французские письма» после публикации в газете «Тарджиман» стали весомой формой пропаганды джадидизма Гаспринского, а Париж – обобщающим образом западного мира с его достижениями, которые необходимо творчески привить исламскому миру во избежание пороков Запада.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский; «Французские письма»; джадидизм; Париж; Запад и Восток.

PARIS AS A CENTER OF WORLD CULTURAL, POLITICAL, FINANCIAL LIFE AND MORAL AND ETHICAL DEGRADATION IN THE “FRENCH LETTERS” OF ISMAIL GASPRINSKY

The article interprets the ideological content of “French Letters” (1887–1889; other names – “Molla Abbas”, “Letters of Molla Abbas Fransovi” and others) of the outstanding Crimean Tatar and common Turkic educator, writer and publisher Ismail Gasprinsky in the context of the writer’s stay in Paris (1871–1874) and the theory of Jadidism formed by him. For this, biographical, cultural-historical, comparative and philological methods are used.

“French Letters” are written using the method of defamiliarisation – like the letters of a naive but educated Uzbek merchant, Molla Abbas, who went to Europe. They have become an artistic and publicistic form for expressing I. Gasprinski’s views on the current state of the Turkic and, more broadly, the Islamic world for him against the background of the rapid political, economical and cultural development of European countries. The personification of the West, the concentration of its achievements and shortcomings in the work is Paris, which is very familiar to the writer. Ismail Gasprinsky, proceeding from the main provisions of this theory of Jadidism, constantly notes the high level of development of education in France. The consequence of this is a highly developed culture, ranging from everyday interpersonal communication to architecture, a powerful economy, financial power (stock exchange with multimillion-dollar turnover, luxury and variety of jewelry), social protection (accessibility of education to all segments of the population, kindergartens, absence of beggars), clarity work of the law enforcement system, the legal protection of all citizens, the equality of women in society, etc. Paris and Europe borrowed much of this from the Muslims of the East and Spain, now it was the turn of the Turks to introduce all this into their own public life.

But the writer also draws attention to the shortcomings of the Parisian (Western) way of life: individualism, money-grubbing, the property gap between rich and poor, indifference to the problems of others, the corrupting influence of wealth, venality of women, etc. To avoid these vices when borrowing the achievements of the West, believes the writer will help the high spiritual potential of Islam with its ideas of mutual aid, unity of the Ummah, zakat, high appreciation of science and education.

After being published in the Tarjiman newspaper, “French Letters” became a significant form of propaganda of Gasprinsky’s Jadidism, and Paris – a generalizing image of the Western world with its achievements, which must be creatively instilled in the Islamic world in order to avoid the vices of the West.

В 1871–74 гг. Исмаил Гаспринский, после путешествия через Венгрию и Австрию, живет в столице Франции, обучаясь в Сорбонне. Впечатления от того путешествия и лет пребывания в Париже легли в основу его произведения «Французские письма». Это произведение – полижанровое, одна из доминантных разновидностей в его структуре – путевые очерки [2]. Но есть одна его существенная

особенность, дающая основание выделять «Французские письма» из всего ряда путевых очерков и рассматривать их также как идеологический роман, роман-программу.

Обычно путевые зарисовки публикуют в как можно более короткий срок после завершения путешествия или даже во время самого путешествия. «Французские письма» же начали печататься в газете «Терджиман» из номера в номер через 13 лет после отъезда писателя из Франции, с января 1887 года. Можно было бы предположить, что произведение ждало возможности опубликовать его, что во все времена не так просто сделать. Но с 1879 года И. Гаспринский делает попытки издавать собственную газету, а с 1883 г. – его известнейшую газету «Терджиман», т. е. у него появилась собственная трибуна для публикации произведений, в том числе собственных. Но замысел «Французских писем», очевидно, вызрел окончательно, как уже отмечалось, к январю 1887 года. Писателя интересовало не столько воспроизвести, пересказать читателю удивительные впечатления от европейских государств, городов и людей, сколько осмыслить недостатки и достижения тюркского Востока Российской империи через сравнение с увиденным и услышанным в Европе. Поскольку писатель больше всего времени среди европейских городов провел в Париже, то именно столица Франции стала центром, олицетворением Запада, теперь уже с его достижениями и недостатками, как их видел крымский татарин Исмаил Гаспринский.

Писатель избирает беллетризованную форму изложения собственных впечатлений от Европы и их осмысления, вкладывая их в уста состоятельного жителя Ташкента, бая Моллы Аббаса. Именно он в произведении И. Гаспринского отправляется посмотреть мир и едва ли не случайно, вследствие любовной интрижки, попадает на Запад. Увиденное изображается преимущественно сквозь призму приема остранения: неискушенный, наивный узбек воспринимает и оценивает невиданные ранее явления и вещи с высоты собственных познаний и религиозных представлений. «Весь стиль, легкая повествовательная манера изложения также не могут не привлекать читателя. Помогает восприятию и удивительная образность письма: текст читается легко, живо и увлекательно. Очевидно, что автор обладает даром талантливого писателя» [1]. Восточный взгляд на Запад определяет сравнение столиц двух разных миров, когда Аббас наконец-то добирается «<...> до европейской Бухары, т.е. до Парижа <...>» (1 февраля 1887. – № 5) [4] (далее в тексте будем указывать только дату и номер газеты «Терджиман», в котором печаталось очередное «письмо»). Иногда автор «забывает» о наивном взгляде Моллы на все изображаемое как об основном нарративном ключе, но по большинству его придерживается, а потом отступления от него можно объяснять тем, что после долгого пребывания во Франции он освоился с местными обычаями и общественными взаимоотношениями.

Контрастное видение Аббаса восточного, мусульманского и западного, христианско-атеистического миров стало очень продуктивным способом изложения джадидистской теории, на то время уже сформировавшейся в мировоззрении Исмаила Гаспринского. «Наиболее действенным способом распространения джадидистских идей среди тюрко-мусульманских народов, безусловно, было печатное слово. Но еще более влиятельным фактором была художественная литература. Ведь

литературные образы могли ярче отразить негативные и позитивные качества того или иного социального явления. Традиционно художественное слово среди мусульманских народов было очень распространенным и высоким искусством. Для анализа общественной нагрузки художественных текстов знаменитой газеты “Терджиман” – рупора обновленчества (джадидизма) в исламской умме Российской империи конца XIX – начала XX в. необходимо обратить особое внимание на произведение, которое опубликовано под названием “Французские письма” под авторством некоего Моллы Аббаса Франсови. (Общеизвестно, что этим псевдонимом пользовался лидер джадидизма Исмаил Гаспринский). Так он стремился внести внутрь исламской уммы страны свои просветительские, общественные и реформаторские идеи» [3]. Это теория предстает как синтез достижений западной цивилизации и мусульманской этики и морали. А Париж, столица западного мира, предстает средоточием цивилизационных свершений и морально-общественного упадка.

О Париже Молла узнает еще до прибытия в Европу от своей любовницы: «<...> этот город служил мировой столицей, красавицей среди всех городов, школой всех времен и племен; источником искусств и мод, распространяющихся отсюда по всему миру, как лучи от весеннего солнца» (30 мая 1887. – № 15). Поначалу европейские города (не только Париж) поражают воображение узбека своим богатством и разумной обустроенностью, упорядоченностью. «<...> чудесный город; постройки царские, базары выше слов и удивления, порядки – безупречны, летом улицы без пыли, после дождя нет грязи...» (9 июня 1887. – № 17). «<...> путешествие по френгским землям совершенно безопасно и удобно: ни разбойников, ни безводных пустынь тут нет. Здесь женщины и девушки совершают далекие переезды и никто их не смеет обидеть. Таковы порядки во всех френгских землях» (1 февраля 1887. – № 5). «Надо удивляться только результатам человеческого старания и знания! Вот яблоня, которая родит плоды величиною в арбуз среднего размера; вот громадная откормленная корова, которая дает два ведра молока в день! И эта яблоня, и эта корова путем ухода и знаний выращены из простой кислицы и обыкновенной, маломолочной коровы!» (20 февраля 1887. – № 7). «Чистота и порядок венских улиц, правда, довольно узких и кривых, производят самое лучшее впечатление, а целые горы красивых и капитальных построек, нависших над улицами, невольно возбуждали мою зависть, когда я вспоминал мизерные лачужки родного Ташкента» (28 февраля 1887. – № 8). «<...> столь хорошее помещение в отеле <...> стоило в сутки всего три рубля. Как френги умудряются соединять столько богатства и удобства с дешевизной – положительно не понимаю!» (28 февраля 1887. – № 8). «<...> я исходил порядочно улиц и базаров, удивляясь баснословному богатству и роскоши торговли и жизни» (28 февраля 1887. – № 8). «Железные дороги почти повсеместны, конки и омнибусы во все стороны, а обыкновенных извозчиков до ста тысяч, т.е. столько, сколько жителей в моем Ташкенте. Когда мы прибыли в намеченную деревню, я был удивлен: какая же это деревня, думаю, целый город! Великолепные лавки, кофейни, шоссированные улицы, красивые дома и несколько тысяч постоянных жителей» (28 июля 1887. – № 22).

И даже европейские (парижские) тюрьма и суд восхищают своей гуманностью и уважением к личности потенциального преступника. «Французская тюрьма не то что китайская. Здесь содержат обвиняемых и обвиненных весьма прилично. Помещения чистые, пища хорошая, обращение вежливое, хотя и строгое. Если бы человек не дорожил честью и свободой, французские тюрьмы могли бы считаться лучшими-караван-сараями и убежищами, где кормят, чистят и прислуживают совершенно даром! <...> Оказалось, что французские тюрьмы служат также школой ... Поистине удивительный народ – френги. Они из камня хотят выжать воду! Воришку они не казнят, не мучают, но сытно кормят, учат и выпускают из тюрьмы исправившимся человеком и знающим мастером» (14 сентября 1887. – № 27). «Комната суда была столь обширна, что в ней могли уместиться четыре или пять туркестанских саклей с двориками. Вся обстановка напоминала приемную великого хана. Меня должны были судить присяжные. Это судьи, избираемые из среды общества. Это лучшая форма суда, да и вообще лучшая выдумка френгов. Присяжные судят независимо от различных формальностей, руководствуясь лишь разумом и совестью» (1 октября 1887. – № 29).

Такое общественное обустройство и отношение к каждому человеку без различия заслуживают заимствования и распространения во все страны, в тому числе на родной для Моллы узбекской земле, шире – на всех населенных тюрками землях. «Народы, стоящие позади Европы, должны учиться у европейцев и воспользоваться их опытом и ошибками, чтобы прогрессировать в лучшем направлении и создавать лучшие формы жизни и людских отношений, чем те, кои мы видим здесь» (13 ноября 1887. – № 34). Тем более что Париж также предстает во «Французских письмах» и как финансовый центр мира, воплощение всех мыслимых и немыслимых богатств.

«Действительно, искусство и знания современных европейцев делают их господами мирового базара и мировой торговли. Все прочие народы, как чернорабочие, работают для них! Правда, что знающий есть повелитель незнающего./ Не очень далеко от биржи есть базар драгоценностей Пале-Рояль. Это тоже площадь, но с цветниками, окруженная со всех сторон великолепными ювелирными магазинами. Глазам не поверишь, если осмотреть один из этих магазинов. Сколько тут золотых вещей, алмазов и бриллиантов! Сколько искусства, тонкости в отделке! Есть кольца, стоящие десятки тысяч рублей. Есть женские украшения, стоящие сотни тысяч, и эти вещи покупаются и дарятся не царями, не ханами, а простыми французами!» (6 ноября 1877. – № 33). «<...> о парижской бирже и о прекрасном базаре драгоценностей, именуемом Пале-Рояль <...> Денежные знаки покупаются и продаются целыми выюками сразу, на целые десятки миллионов рублей! Сделки на сотни тысяч считаются ничтожными <...> У нас в хлебной лавке не найдешь столько мешков с хлебом, сколько тут золота! <...> Люди, имеющие миллион, тут вовсе не редкость, их считают просто богатыми людьми. Состояния в десятки миллионов тоже не редкость» (6 ноября 1887. – № 33). Все произведение И. Гаспринского переполнено еще многими восхищенными описаниями европейских, прежде всего парижских, дворцов, общественных строений, отелей, учебных заведений и т. д., их богатства, роскоши и комфорта.

Закономерно возникает вопрос, за счет чего создаются эти богатство, роскошь и комфорт. И здесь подходим к ключевому моменту джадидизма – образованию, просветительству. К этой мысли приходит Молла Аббас, а значит, и автор, ее повторяют в разных вариантах европейцы, в том числе и те, кто, как Арминий Вамбери, мог сравнивать мусульманские и европейские учебные заведения. «Надо удивляться любознательности г[оспод] френгов: и стар, и млад с рвением и постоянством ищут знаний; все им хочется знать; стараются говорить на всех языках. Удивительный народ!» (9 июня 1887. – № 17). «У нас в Туркестане говорят, что френги – шайтаны и колдуны, но это не верно; это такие же люди, как мы, но они умеют трудиться и знают много более нас из науки» (20 февраля 1887. – № 7). «Знание – бесконечно; оно всегда кажется нам недостаточным. Знание и наука – это святой луч и золото <...> Мы почерпнули много знаний из мусульманских книг; мы усвоили много искусств и ремесел, созданных мусульманами. Наука, истина и искусство – это солнце. Солнце одинаково светит всему миру; так и знания: составляют общее достояние всех стран и племен» (24 марта 1887. – № 11). «<...> у френгов, кроме религии, девушки и мальчики обучаются многим другим наукам и знают все, что делается и что есть на свете» (30 мая 1887. – № 15).

Именно благодаря знаниям и науке Запад, Франция, Париж предоставляют возможность заработать достойную жизнь каждому, кто захочет их приобрести. «Любовь и преданность науке и школе позволила французам занять первое место во всех сферах жизни. Назвать француза “невеждой”, “неучем” – значит нанести ему кровную обиду» (30 июня 1887. – № 19). «Смотритель убеждал меня, что большая часть преступлений есть прямое следствие невежества и нужды. А потому люди опыта и совести нашли полезным за время заключения преступника в тюрьме обучать его чему можно, чтобы, возвратясь в среду общества, он явился грамотным и знающим какое-либо ремесло для честного приискания себе куска хлеба» (14 сентября 1887. – № 27). Это прекрасно осознает европейская элита, определяя пути дальнейшего развития мира.

«Знание – бесконечно; оно всегда кажется нам недостаточным. Знание и наука – это святой луч и золото <...> Мы почерпнули много знаний из мусульманских книг; мы усвоили много искусств и ремесел, созданных мусульманами. Наука, истина и искусство – это солнце. Солнце одинаково светит всему миру; так и знания: составляют общее достояние всех стран и племен» (24 марта 1887. – № 11). Западное знание на фоне восточной малограмотности формирует основы открытых или латентных (экономических) имперско-колониальных взаимоотношений. «За искусство и знание наше из всех стран и от всех народов текут к нам золотые ручьи и образуют золотое море <...> Богатство француза в его руке и его голове; рука умело делает, а голова умно соображает <...> Только полудикие народы копают золото, искусные получают его легче и готовым <...> Действительно, искусство и знания современных европейцев делают их господами мирового базара и мировой торговли. Все прочие народы, как чернорабочие, работают для них! Правда, что знающий есть повелитель незнающего» (6 ноября 1887. – № 33). Закономерно читателя подводят к мысли: чтобы

жители Центральной Азии не жили в нищете и не были «рабами» образованного Запада, им необходимо тоже стать образованными.

Эту мысль формирует и А. Вамбери. «Я (Вамбери. – *Н.В.*) пробрался из Пешта в Самарканд с целью на месте слышать и изучить тюркские наречия. Ничему другому выучиться в тех странах я не мог. Вас же Аллах послал в Европу, где вы можете выучиться многому такому, чего и во сне не видят ваши почтенные муллы. Сын мой, ты еще молод и попал в такие страны, где учатся истинам, следуя Аристотелю, Платону, Ибн-Сине, Фараби и другим светилам знаний, позабытым у вас на Востоке. Судьба дает тебе возможность сделаться великим ученым. Учиться у нас не так трудно, как у вас; в наших школах в два-три года ты узнаешь столько сведений и истин, что станешь первым улемом Туркестана! Ты едешь в Париж. Это лучший город для учения» (12 апреля 1887. – № 13). Здесь же сформулированы также необходимость и сущность новометодного обучения как основы джадидизма. Проблема не только в том, что сеть учебных заведений очень слаба на Востоке, но и в том, что система обучения, базирующаяся на запоминании, часто – бессмысленном заучивании текстов на непонятном арабском языке. Поэтому учиться в европейских заведениях «не так трудно, как у вас», где год обучения стоит несколько лет обучения в мектебе.

Осмотревшись в Париже, постепенно Аббас, однако, начинает сомневаться во всестороннем совершенстве жизни в нем. Он все больше приходит к убеждению, что за внешним «блеском» материального достатка и благополучия скрывается «нищета» духовно-морального мира парижан. Поначалу это личные сомнения «наивного» Моллы: «В Европе жизнь открытая, общая, бурная. Хочешь – не хочешь, а соприкасаешься с ней. Имеешь много удовольствий, развлечений, но зато очень легко попасть и в беду» (25 октября 1887. – № 32). Его разрозненные впечатления и мысли потом обобщает один из руководителей утопической мусульманской общины, вроде бы сохранившейся среди испанских горных хребтов со времен Средневековья. «<...> внешняя, показная сторона европейской жизни блестяща, восхитительна, но не все то золото, что блестит <...> степень достоинства цивилизации имеет одно мерило – это сумма довольства и счастья, обеспечиваемых ею для людей. Как позднейшая, цивилизация Европы много выше римской и греческой, но, увы, она столь же далека от своих истинных задач, как и ее старшие сестры <...> Великие успехи в сфере знаний, чудовищное развитие промышленности, о коих не мог мечтать ни один древний, дали возможность Европе казаться совершенно новой и отличной от других стран и времен, но тем хуже для нее, что при этом, соответственно, не возросло людское счастье, и людские слезы теперь так же горько льются, как в древности <...> И в древности, и теперь человек стремится лишь к личному благу, побуждаемый своей животной природой. Как в древности, так [и] теперь человек движим лишь “пользой”. Деятельность, цели и нравственность прикреплены к “пользе” и вертятся вокруг нее... Но не все полезное справедливо. Поэтому цивилизация Европы если не породила, то широко развила различные секты протестантов, именуемых здесь социалистами, анархистами, которые готовы ввергнуть человечество в еще большие несчастья; это слепцы, желающие найти дорогу для заблудившихся зрячих <...> здесь в каждой стране ежегодно тратят миллионы на обучение людей – с “пользой” применять свои

силы и способности; каждый европеец вооружается всеми средствами науки и индустрии, чтобы урвать себе побольше “пользы”, но, увы, совершенно упущено из виду приучать их быть “справедливыми” и давать им силы оставаться всегда и везде таковыми. Образование господствует над воспитанием; ум – над сердцем; эгоизм – над справедливостью. Ни богатства, ни промышленный прогресс [не] дадут счастья людям, а справедливость и науки, укрепляющие ее <...> человек Европы недалеко ушел от людей древности и человека других частей света» (13 ноября 1887. – № 34). Индивидуализм, эгоизм, атеизм парижанина, европейцев ведут западный мир к деградации, и это те черты, которые должны исключаться при заимствовании достижений Запада.

В противовес аморальному европейцу XIX века, повернутому на материальном обогащении, накоплении больших капиталов, восточная жизнь предстает образцом справедливости и моральной чистоты, покоящихся на строгом соблюдении предписаний ислама. «<...> мусульмане строго и неуклонно следуют повелениям своего закона, и многие пороки, пустившие глубокие корни в европейских странах, не ведомы на Востоке» (30 июня 1887. – № 19). Кстати, уважительное отношение к образованию, знаниям также согласовываются с исламом, только мусульмане со временем забыли об этом. «Всеобщее и даровое обучение – это одно из оснований ислама, установленное Кораном, хадисами и практикой древнемусульманской жизни. Это положение всецело усвоено французами» (30 июня 1887. – № 19). Поэтому необходимо вернуть Востоку ту славу ученого мира, которой он отличался на протяжении долгих столетий.

Когда-то европейцы позаимствовали от арабов множество знаний и навыков. «Моштение и освещение улиц, устройство фонтанов и водопроводов, цветников и садов заимствовано нами от мусульман, господствовавших в прежнее время в Испании. У мастеров и мудеррисов Кордовы, Севильи и Гренады мы выучились много чему <...> цивилизация мусульман Испании много содействовала преуспеванию западной Европы. Брать добрые примеры и хорошие образцы хоть от чужого народа – дело разума и достоинства» (9 июня 1887. – № 17). Теперь пришло время обратного процесса – заимствования знаний и широкой образовательной системы у Европы. Но – с непременным сохранением мусульманского морально-духовного облика. «<...> европейцы стоят ныне во главе человечества и внесли много хорошего в общее достояние поколения Адама и Евы. Но грядущее откроет людям иные, более широкие горизонты и лучшие формы жизни. Народы, стоящие позади Европы, должны учиться у европейцев и воспользоваться их опытом и ошибками, чтобы прогрессировать в лучшем направлении и создавать лучшие формы жизни и людских отношений, чем те, кои мы видим здесь». (13 ноября 1887. – № 34). Даже более того: Западу непременно необходимо также позаимствовать эту духовно-этическую основу ради создания гармоничного, совершенного общества. «Исповедуй френги ислам, они были бы лучшими мусульманами» (14 сентября 1887. – № 27). Как можно бы сказать и обратное: если мусульмане позаимствуют образованность Запада, стремление его жителей к познаниям, достижения западной цивилизации на исламский духовный базис, то они тоже создадут совершенное общество.

Наука, образование в романе «Французские письма» пребывают в центре внимания персонажей и, соответственно, автора. На периферии остается также очень важный для джадидизма так называемый «женский» вопрос. Решение его, как и решение проблемы европейского обучения в мусульманском обществе, решается в произведении на примере утопического арабского государства на Пиренейском полуострове. Поскольку в центре нашего внимания Париж и его общественное устройство, то об утопическом государстве пока умолчим, а сосредоточимся на том, какие женщины и каково отношение к ним главного героя и автора.

С первых строк произведения, с момента знакомства Аббаса с Жозефиной постоянно звучит скрытая ирония по отношению к европейским женщинам, к их легкомысленности. Но их умение дарить телесные и эстетические удовольствия мужчине даром или за вознаграждение и, как следствие, слабость мужчины, нарушающего установления ислама, вызывают разве легкие уколы совести снисходительное отношение к человеческим слабостям. «“О, женщины, женщины”, – сказал один знаменитый френг, и он был прав <...> Велик Аллах! Он женщинам позволяет делать очень многое» (25 января 1887. – № 4). «<...> все женщины любят подарки, а иногда и самих дарящих» (1 февраля 1887. – № 5). «<...> женщины, даже губя, уничтожая человека, совершают это погружая его в море удовольствий» (1 февраля 1887. – № 5). Все сказанное, понятно, относится к европейской женщине.

Но главный герой и автор осознают неприемлемость для восточной женщины обычаев и повадок женщины европейской. «<...> в жилах европейцев течет кровь, близкая к рыбьей, иначе у их женщин не вошло бы в обычай столь опасное отношение к мужчинам. От них не закрываются, их не избегают и остаются вместе как женщина с женщиной <...> Установись такое отношение мужчин и женщин в Ташкенте <...> праведный гнев Аллаха низвергнул бы весь город в бездну!» (1 февраля 1887. – № 5). Среди европейцев могут быть и положительные примеры женщин. Таковой является во «Французских письмах» парижанка Маргарита, в которую влюбляется Молла Аббас. Она тянется к знаниям, высокообразованна, интересуется общественной жизнью, но в то же время скромна, целомудренна, высокоморальна. Именно она предстает своеобразным идеалом «новой», джадидистской женщины, которая соединяет интеллектуальную европейскую развитость с заветами и предписаниями ислама, хотя Маргарита и не мусульманка.

Париж, шире – Франция, Европа, с их высоким уровнем образования, науки, промышленного, финансового развития, достижениями культуры, общественного равенства и социальной защиты, тотальной сетью государственно-общественных институтов, стали триггером для Исмаила Гаспринского в формировании теории джадидизма, направленной на коренные преобразования тюркского мусульманского сообщества. Прежде всего, считают Молла Аббас, другие персонажи и автор «Французских писем», необходимо сосредоточиться на развитии широкой образовательной сети по образцу европейских. Именно образование и наука, по их мнению, являются основой высокого уровня экономического развития, материального благополучия всех членов общества. Также важно сделать активным участником

общественных преобразований женщину как равноправного партнера и помощника мужчины.

Однако морально-нравственный облик Парижа, Европы вызывает у Моллы Аббаса (читай – у И. Гаспринского) скепсис. Для автора «Французских писем» неприемлем индивидуализм, эгоизм, стяжательство, атеизм, чрезмерная свобода отношений мужчины и женщины, развязность женщин в европейских государствах. Париж становится средоточием этих пороков западного мира точно так же, как и средоточием всех достижений и свершений европейской экономики и культуры. Поэтому преобразование тюркского Востока по западному образцу должно проводиться только в образовательной и материально-производственной сфере, формировании государственных институтов власти и сети общественных организаций, но всемерно отстраниться от морально-этических язв западного общества. Тюркский мусульманский мир имеет очень мощную нравственную основу, которой является ислам; для мусульман присуще острое чувство справедливости, проявляемое на бессознательном уровне. Вследствие этого заимствование достижений Запада должно проводиться исключительно при строгом соблюдении предписаний Корана и хадисов. Более того, морально-нравственная основа ислама должна быть главенствующей в соединении с цивилизационными достижениями западного мира, негласной столицей которого в то время был Париж.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович Г. Предисловие / Г.Ю. Богданович // Гаспринский И. Французские письма. URL: <https://anart.com/qrt/content/ismail-gasprinskiy-francuzskie-pisma>
2. Васків М.С. «Французькі листи» Ісмаїла Гаспринського як мандрівні нариси // Літературний процес: методологія, імена, тенденції : зб. наук. праць (філол. науки). Київ : Київ. ун-т ім. Б. Грінченка, 2019. № 13. С. 88–94.
3. Ганкевич Ю. О социальной значимости «Французских писем» Исмаила Гаспринского / Ю.В. Ганкевич // Гаспринский И. Французские письма. URL: <https://anart.com/qrt/content/ismail-gasprinskiy-francuzskie-pisma>
4. Гаспринский И. Французские письма / Исмаил Гаспринский / [Электронный ресурс]. URL: <https://anart.com/qrt/content/ismail-gasprinskiy-francuzskie-pisma>.
5. Гаспринський І. Французькі листи : уривок з роману / Ісмаїл Гаспринський // І народився день : кримськотатарська проза українською. К. : Кримський дім; Майстер Книг, 2018. С. 49–61.